

РЕПОРТЕР ИЩЕТ СОБЕСЕДНИКА

СОЛО ДЛЯ БЕЛЬКАНТО

Москву опаял август. Знойный сухой воздух маревом окутал столицу, и лишь на бульварах дышащую легко и открыто. Там и встретились мы с Зурабом Соткилава. Но разговор наш был короток, он собрался на отдых в Боржоми.

Ему предстоял трудный сезон. 1987-й обещает быть насыщенным, богатым поездками и премьерями. Но в 1986-й не был простым. И «дома» и за границей он провел больше 60 концертов!

«Как получится новая роль — нет, он еще не знает этого, потому что до премьеры всегда чувствует себя «новичком». «Ученики — да, это его очень волнует, много сил и энергии отдает он педагогике. И не только. «Вот Тея уже — на третьем курсе факультета романских языков МГУ, а Кетико, трудно подумать! — в девятом классе». «Собирается ли он в Тбилиси — да, обязательно, непременно, как только выдаться случай».

Случай не заставил себя ждать. Выступление народного артиста СССР Зураба Соткилава в программе, куда были включены партии из спектаклей «Тоска», «Кармен», «Отелло», на сцене Тбилисского академического театра оперы и балета имени З. Палиашвили, состоялось буквально накануне юбилея певца. Недавно он отметил свое пятидесятилетие. Весь доход от этого спектакля был перечислен в фонд помощи пострадавшим от стихийного бедствия в районах Западной Грузии.

Быть может, потому, что спектакль шел в канун юбилея, а может, и оттого, что дома его встречают не так, как везде — он здесь и гость, и родной человек, — но пел он в тот вечер необыкновенно. Чувствовалось, что певец вступил в ту счастливую пору зрелого творчества, когда известность и успех уже завоеваны, но сохранены непосредственность и энергия молодости.

Партия «Отелло» из одноименной оперы Верди — высочайшая вершина, она требует от исполнителя безукоризненной вокальной техники и отточенного сценического мастерства. З. Соткилава работал над этой ролью иступленно, трудно и в то же время аднокновенно. Сейчас партия «обкатана», поет он своего героя с 1979 года.

На сцене Большого театра Союза ССР «Отелло» осуществил Б. Покровский. Журнал «Театр» в том же году писал по поводу премьеры: «Очень выразительно поют Отелло и Дездемону Зураб Соткилава и Маквала Касрашвили. Для них, молодых артистов, дальнейшее постижение и углубление образов будет в значительной степени связано с расширением жизненного опыта: ведь это те роли, в которые вживаются годами».

Соткилава превзошел все ожидания. Он так подчинил себе Отелло, так овладел этой ролью, что не оставалось никаких сомнений. Он — талант редкий, блестящий.

Сомнения мучили лишь его. «Меня многие тогда отговаривали от этой роли, — вспоминает он, — приводили примеры, как эта партия губила теноров. Не скрою, возникало много сомнений. Был страх перед потерей голоса, тревога о том, хватит ли в моей палитре выразительных красок для воплощения этого труднейшего образа. Я уже знал всю партию, выучил ее, и все же избегал встреч с дирижером — это был Евгений Светланов — режиссером. Боялся, что, если окажусь хоть раз «несостоятельным», то больше на репетицию не приду и к образу этому никогда не вернусь. Однако своим чередом шли репетиции с актерами, начались корректуры репетиции в оркестре. Однажды я тихо вошел в темный зал театра, когда Светланов работал с оркестром над вторым актом. Прозвучали монолог Яго, после этого — квартет, ария Отелло, еще одна ария, дуэт... Несмотря на очень насыщенную вердиевскую оркестровку, я понял и почувствовал, что, если оркестр будет звучать так, как в этот момент, мне не придется форсировать голос, я смогу петь. И не ошибся».

Весной 1980 года Соткилава был приглашен петь партию Отелло в новой постановке, которую осуществлял в Бельгии режиссер Витторнио де Вита. Он приехал в Италию за две недели до премьеры, когда постановка была уже практически готова, но концепция советского певца была настолько убедительна, что режиссер принял все его предложения. Восторженно встретила Бельгия Зураба Соткилава, высочайшую оценку пению и таланту.

критика, и слушатели. Болонская музыкальная академия за блестящую трактовку произведений Верди избрала советского исполнителя своим почетным членом.

«Великолепный певец», «изумительный голос», «потрясающий успех советского тенора», «сильнейшее впечатление» — в такой тональности пишут обычно о нем в зарубежной прессе. Его гастрольные маршруты пролегли, можно сказать, по всему земному шару: Италия, Болгария, ФРГ, Канада, США, Англия, Япония. Перечисления можно продолжить и не ошибиться, сказав при том, что Соткилава покорила публику, на какой бы сцене он ни выступал.

Для него пение — не просто профессия, а сама жизнь. Его звезда взойшла стремительно, и голос необыкновенного тембра, окрашенный нежными лирическими красками, сразу же покорила слушателей. Творческая одержимость, видимо, и решила в свое время его судьбу. Но будем чистосердечны и признательны: он не мечтал о пении. Даже тайно. Даже слабого намека на это не было во всем первом двадцатилетии его жизни.

Но все же самым примечательным в своей биографии певец считает один из декабрьских дней 1962 года. Тогда вчерашний футболист тбилисского «Динамо» и инженер, молодой человек, не помышляющий о славе артиста, впервые открыл в себе неведомый мир.

Профессор Тбилисской консерватории Николай Варламович Бокучава, с которым счастливый случай свел его еще в Сухуми, увидел в нем редкой силы и красоты, богатейших возможностей голос. В результате почти «готовый геолог» стал студентом первого курса Тбилисской государственной консерватории.

И может, не будь тогда рядом опытного педагога, а впоследствии советчика, друга — дяди Андгуладзе, не свершился бы столь стремительный взлет молодого таланта. Д. Андгуладзе развернул его голод во всю ширь и мощь. А сам Зураб — вчерашний спортсмен и горный инженер — чья жизнь была прежде только очерчена тесным кругом привычных забот и привязанностей, открыл вдруг в себе некий новый, цельный, поющий мир, трепетный и властный, и с тех пор все другое отодвинулось и перестало существовать.

Он постепенно копил знания и учился. Но явно форсированный темп первых лет, самых ответственных для становления голоса и вообще художника, не помешал Зурабу Соткилава вынести для себя все необходимые уроки настоящей крепкой, подробной школы. В том была большая мудрость педагога Давида Андгуладзе, уловившего неординарность дарования и возможностей ученика. Однако были в его пути и сложные обстоятельства: Зураб поступил в консерваторию как баритон, но его притягивали возможности лирико-драматического тенора, его просторная и теплая звуковая палитра, да и сам он себя по характеру считал более тенором, чем баритоном.

Шла упорная работа над собой. Но, наконец, наступило и время искушения славой. Впервые он удостоился высокой оценки жюри на II Закавказском конкурсе музыкантов-исполнителей. И тут уже жизнь его пошла по иному пути.

После окончания консерватории он дебютировал на сцене Тбилисского театра оперы и балета имени З. Палиашвили. В творчестве каждого вокалиста есть партии, определяющие собой как бы целый этап в становлении его как исполнителя. Одним из таких этапов стала для Зураба Соткилава работа над ролью Хозе в опере «Кармен». В ней ярче, чем где-либо ранее, раскрылись особенности его певческого и артистического дарования.

С большим успехом исполняет затем Соткилава ведущие теноровые партии в операх «Тоска», «Сельская честь», «Лючия ди Ламермур», «Богем», «Сельская честь». В этом репертуаре рельефно проступали отличительные черты дара певца: способность с большой впечатляющей силой передать внутренний «нерв», драматическую пульсацию музыки, держать слушателя в неослабном эмоциональном напряжении. Критика уже в то время отмечала романтическую стихию создаваемых им образов.

Через интенсивный драматизм партии Хозе он пришел к высокой сложности и глубине «Абесаломы и Этери», к освоению в музыке национального, непреходящего, общечеловеческого.

Чувственная красота его пения все больше одухотворя-

лась мыслью, культурой, одевалась благородной красотой, и эти рамки не приходили извне, а сами вырабатывались вступающим в зрелость талантом и не были тесны ему.

В 1966 году З. Соткилава направляют на стажировку в Италию, в миланский театр «Ла Скала».

Занятия проходили с маэстро Барра, изучение репертуара — под руководством Энрико Пьяцци, бывшего помощника Тосканини. Шла подготовка партий в «Сельской чести», «Богеме», «Лючия ди Ламермур», «Кармен», «Реквием» Верди, концертной программы из сочинений итальянских композиторов. Это была напряженная, результативная работа, но существовал еще один фактор, оказавший существенное влияние на творческое формирование молодого певца, — спектакли, которые он слушал в течение двух лет в «Ла Скала» с участием лучших певцов и исполнителей мира...

Да, это были годы концентрирования ярких впечатлений. И они дали блестящий результат. Когда закончилась стажировка, начался период, кото-

ро лучших мастеров заставляла меня задумываться над тем, как меня примут в коллективе, как будет звучать мой голос на этой прославленной сцене и, наконец, как я, южанин, буду чувствовать себя в московском климате. На первый взгляд может показаться, что я быстро привык к Москве и легко вошел в коллектив. Но это не так. Поначалу мне было трудно, и огромное спасибо людям, которые в то время были рядом со мной. После занятий с концертмейстером Лией Абрамовой Могилевской, человеком большой музыкальной культуры, огромного опыта, я смело шел на встречу с дирижером, был уверен в своей музыкальной оснащенности. Я знал, что сценическая актерская сторона исполнения — мое слабое место и особенно почувствовал это в Большом театре, где труппа, воспитанная Покровским, восхищает артистической культурой, осмысленностью сценического поведения. Многие сделали для меня Геннадий Панков, с которым я разучивал свои роли.

Постигнув многие «секреты» и премудрости мастерства, Соткилава и по сей день не перестает совершенствоваться, оттачивать талант. Поражает эмоциональная наполненность его исполнения. Певец поет, словно не заботясь о правильном распределении и сохранении сил до конца спектакля или концерта, поет с поразительной творческой отдачей.

ских и гурийских песен, вокальную сюиту «Лири Церетели», которые надолго вошли в камерный репертуар певца.

Отар Васильевич Тактакишвили для меня и большой мастер, и педагог, и образец ума, интеллигентности, образованности. Арзакан из его оперы «Похищение луны» — один из любимых моих героев. Помню, как работали мы с Борисом Александровичем Покровским над этой ролью. Это было истинное творчество, но и борьба. Конечно, в ней побеждал Покровский. Зато я получил разрешение исполнять песню из третьего акта по-миргельски.

Вообще, должен сказать, что петь на языке оригинала лучше, потому что точнее передается интонация, задуманную и ощущаемую композитором. Представьте себе Мусоргского в переводе. Адекватно не будет. Где найдется эквивалент его «вона!» и другому исконно старорусскому. У Верди в «Отелло» есть эпизод, утрачивающий свое значение в переводе. Когда Отелло оскорбляет Дездемону, в глазах Яго он превращается в грубого простолудина. И здесь Верди очень точен — в итальянском тексте оперы после данной сцены Яго осмелевает обратиться к Отелло на «ты». Отелло перестал быть «избранным», теперь он такой же, как все. На итальянском языке это «ты» звучит неожиданно, по-русски — вообще не передается. А это яркий психологический момент.

Успех спектакля соткан и из еще огромного количества компонентов. Важно здесь для певца и чувство партнерства. «С хорошим партнером иногда достигается большее, чем задумывалось, — подчеркивает Зураб Лаврентьевич, — в трудные моменты он помогает словом или улыбкой, в удачные — заряжает своим внутренним горением. Если я недоволен партнерами, то ухожу со сцены, но исчерпав до конца своих возможностей. А необходимо каждый спектакль петь так, будто поешь в последний раз. Кстати, тогда ничего не покажется потерянными, силы быстро восстанавливаются».

Выдающимся мастером ансамбля З. Соткилава считает Ирину Архипову. Елена Образцова, по его мнению, обладает таким мощным зарядом какой-то загадочной энергии, что излучает токи высокого напряжения. Много лет поет он с Маквалой Касрашвили, а так как в тембровых особенностях их голосов много общего, то дуэт певцов получается просто бесценным. Он тепло говорит как о великопленной партнерше и о Цисане Татишвили, высоко ценит Ларису Никитину.

Опыт и высочайшее вокальное мастерство, естественно, привели З. Соткилава в Московскую консерваторию, где он сегодня работает профессором. Кроме этого, он консультирует в Большом театре группу солистов и молодых исполнителей. Являясь членом партбюро театра, З. Соткилава пользуется среди коллег большим авторитетом, его мнение, опыт — не последнее в решении тех или иных вопросов, касающихся работы коллектива.

«Когда мой учитель Давид Андгуладзе взял меня в аспирантуру, он дал мне вести первого моего ученика и сказал: «Обучай его, заодно будешь видеть и свои просчеты». Я начал преподавать, мои ученики делали успехи, и это меня радовало. Окончив консерваторию, многие становились солистами разных театров страны, некоторые оказывались победителями международных конкурсов. Считаю, что главный критерий к кандидатам моего класса — это ум и эмоциональность, и еще я твердо убежден в том, что красивый голос для современной оперной сцены — не единственное качество певца. Передавая молодежи свой опыт и знания, я всегда опять-таки вспоминаю наставления Д. Андгуладзе: «Главное быть человеком, а стать певцом — вторая задача», — любил повторять он. Эта мысль мне очень близка, и я всегда стремлюсь поделиться ею с учениками».

А недавно я решился и на разговор с более широкой аудиторией. Центральное телевидение доверило мне вести рассказ о выдающихся мастерах бельканто. Несколько передач уже прозвучали в диком из испанских прославленных исполнителей. Работу эту, я бы назвал ее просветительской, собираясь продолжать, считаю, что она полезна многим, в особенности молодежи. Я старюсь воспитать в моих слушателях так же, как и в моих учениках, чувство понимания прекрасного, привить им любовь к искусству, которому лично я служу уже многие годы.

«Недавно в Москве состоялся его творческий отчет, который певец посвятил своему пятидесятилетию. И вновь здесь, в зале, как и на всех вечерах Соткилава, перед каждой исполненной арией наступали минуты безмолвия, наполненного зала — самые дорогие для артиста минуты».

Ирина ФРИДКИНА.

рый мной певец назвал бы триумфом. Биографическая справка, если бы он попытался ее составить, в те годы разбухла бы сверх меры. От «Золотого Орфея», которого удостоился молодой певец из Грузии в Болгарии в 1968 году на международном конкурсе вокалистов, проводившемся в рамках Всемирного фестиваля молодежи и студентов, от серебра и золота международных конкурсов имени П. И. Чайковского, и имени Франсиско Виньяса, что проходил в Барселоне.

Советские певцы тогда впервые участвовали в этом конкурсе, и Елена Образцова с Зурабом Соткилава увезли на родину главные призы.

Это была очень большая победа. Вот как вспоминает в своей книге об этих днях Елена Образцова: «В Барселоне проходила седьмой конкурс вокалистов имени Франсиско Виньяса, выдающегося испанского тенора, прославившегося исполнением произведений Вагнера. Мы летели в Испанию — Зураб Соткилава с Важа Чачава и я с Александром Ерохиним. Страна была тогда почти закрыта для советских людей. Мы — были первыми певцами, которых пригласили участвовать в конкурсе».

Конкурс учредила внучка Виньяса, пианистка Мария Вилардель в 1963 году.

Мы с Соткилава заявили себя по оперному пению. Нам допустили сразу на второй тур, потому что оба мы были победителями конкурса вокалистов имени Чайковского.

«На третьем туре мы с Зурабом выступали в один день. Нам аплодировали после каждого номера, хотя слушателям запрещалось открыто выражать свои чувства».

Поздно ночью мы узнали, что стали победителями конкурса. «Выступление русских было полудинной сенсацией, — писали газеты на следующий день. — Они разведали миф, что хорошо исполняют только славянскую музыку».

Зураб был полн от успеха. Я тоже счастлива!».

Я вспоминаю, как несколько лет назад к зданию Тбилисского оперного театра стекалась толпа. Давали «Реквием» Верди И, сидя в зале, гудящего множеством голосов (по его густоте чувствовалось, что людей пришло с избытком, с превышением всех сидячих и стоячих мест), я думала, уютно ли будет Соткилава и его сегодняшнему Верди в этом многолюдье?

Выход певцов предворили музыканты. Взмахом руки дирижер разомкнул голоса струнных. И они омыли, как дождем, воздух театра — от суетности и повседневносеребристыми голосами, чтобы настроить публику на высокую сосредоточенность, чтобы ничего не мешало соединению музыки и души. «Реквием» — это гамма сложнейших настроений. З. Соткилава сумел отобразить вместе с другими солистами всю неукротимую природу вердиевских образов и сделал это артистично, образно, театрально зрелищно.

Верди широко присутствует в его репертуаре: «Аида», «Трубадур», «Бал-маскарад»... А поскольку речь зашла о репертуаре, то включает он в себя советскую и зарубежную, русскую и национальную оперную классику. «Иоланта», «Борис Годунов», «Садко», «Кармен», «Отелло», «Прекрасная мелиничиха», «Дон Карлос», «Бал-маскарад», произведение Рахманинова, Свиридова, Д. Аракишвили, О. Тактакишвили...

«С Отаром Васильевичем Тактакишвили Зураба Соткилава связывает давняя творческая дружба. Он пел Арзакана в опере «Похищение луны» на сцене Большого театра в постановке Покровского, не раз выступал с этой партией в Тбилиси».

Отар Васильевич специально для Соткилава написал вокальные циклы на тему миргель-